

НИКОНОВИЧ СЕРГЕЙ

АВТОМОБИЛЬНАЯ
ФАМИЛИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

РЕМЕЙКИ И РЕМИКСЫ ИСТОРИЙ,
ЗНАКОМЫХ КАЖДОМУ.

18+

Сергей Никонович
Автомобильная фамилия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63974761

SelfPub; 2021

Аннотация

В сборник вошли ремейки, продолжения и переосмысления известных историй классиков.

Содержание

I	4
ИЗУМРУД	6
II	25
АВТОМОБИЛЬНАЯ ФАМИЛИЯ	27
III	32
ЯЗЫК	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Никонович

Автомобильная фамилия

I

Вы пробовали анализировать истории, написанные для детей?

Не в шесть лет, когда восторженно следите за приключениями соломенного чучела, железного дровосека и маленькой девочки из Канзаса. А повзрослев.

В детстве я обожал “Волшебника Изумрудного города”. Несколько раз читал не только его, но и продолжения, выдуманнные Волковым. Лишь годы спустя узнал, что “Волшебник” – калька со сказки Фрэнка Баума.

Пожалуй, это была первая книга, настолько увлекавшая меня. Показавшая, что за стоящими в ряд черными буквами может находиться яркий волшебный мир, куда ты, конечно же, всем сердцем, в дошкольном возрасте мечтаешь попасть.

Часто, повзрослев, мы больше не прикасаемся к таким историям. Оставляем их в детстве. И оставаясь на задворках памяти, они кажутся добрыми и правильными.

И, наверное, там они и должны находиться. Не пытайтесь ворошить детские истории, не пытайтесь анализиро-

вать их с точки зрения взрослого.

Риск того, что вы найдете что-то, чего не замечали в детстве – очень велик. И это не обязательно будет чем-то хорошим.

Например, то, что считалось забавной традицией – надевать всем гостям и жителям Изумрудного горда очки с зелеными стеклами, сейчас уже не кажется настолько безобидным.

Задумайтесь сами.

Правителя официально называют “Великим и Ужасным”. Жители его страны уверены, что живут в самом богатом городе мира и носят очки, дабы “не ослепнуть от великолепия”. Слухи о могуществе правителя расползаются по другим странам.

И все из-за обмана диктатора, который при помощи мошенничества и взращивания в людях невежества, удерживается у власти.

ИЗУМРУД

Зеленоватый туман стелился по брусчатке. В переулках он был слаб – оседал каплями на стенах домов, цеплял столбы и пропитывал дрожащие на ветру листовки.

Но на главной площади смог обретал силу. Наливался, густел так, что казалось, будто статуя Великого Гудвина парит, возвышаясь над зеленоватым облаком.

Никто точно не знал, как выглядит Гудвин – у него было много обличий – но все точно знали, как он появился.

Будущий мессия спустился в огромной корзине под тенью магического воздушного шара. Именно этот момент отлили в бронзе три лучших скульптора города. Гигантский шар высился над башнями ратуши, а под его куполом стояла высокая фигура, укутанная в плащ. Лицо скрывала тень капюшона, лишь два изумруда на месте глаз сверкали в свете газовых фонарей.

Левый горел ярче, подставленный под огонь. Правый – тускло отсвечивал. Труба, направленная к нему, захворала, подавилась чем-то и не могла больше шипеть голубоватым языком пламени.

Протрубил утренний горн.

Изумрудный Город проснулся.

Сначала это можно было и не заметить. Улицы остались пусты. Лишь ночной караул стройным шагом протопал в ка-

зарму.

Появились первые прохожие. Женщины спешили на рынок – успеть купить окорок или зелень по выгодной цене к обеду.

Проехала карета в сопровождении двух конных мечников.

Застучали по мостовым мальчишеские сандалии.

– Свежий номер “Изумрудной правды”!

– Чем на самом деле Бастинда занимается с летающими обезьянами?! Читайте!

Утренний туман нехотя исчезал. Растаскивался ботинками, развеивался плащами, таял на восходящем солнце.

Запахло свежим хлебом.

Центральная площадь постепенно оживала, заполнялась зеваками, мелкими торговцами и чистильщиками обуви. Женщины прямо с корзин продавали выпечку. Ушлые мальчишки торговали яблоками – большими и зелеными, как изумруды на башнях дворца.

Серафинит бросил мальчишке пфеннинг. С хрустом надкусил яблоко. Твердое, кислое и почти наверняка украденное из чьего-нибудь сада.

– Свежие новости не нужны? – молодой парень, с жиденьким пушком над верхней губой протянул свернутую вчетверо газету. – Изумрудный город стал еще богаче! Новая партия драгоценных камней прибыла вчера! Они пойдут на украшение городских стен!

Серафинит отмахнулся от парня, как от назойливой мухи.

«Еще богаче!» – подумал он. – «Как же! На стенах может и появятся новые изумруды, но вот в карманах от этого не потяжелеет!»

А набивать кошель монетами, а желудок едой Серафинит умел только одним способом.

Остановившись возле статуи, он в который раз окинул её взглядом.

Огромная.

Говорят Гудвин в два раза выше обычных людей. Но его бронзовая копия увеличивала этот разрыв по крайней мере еще втрое. Вблизи Великий и Ужасный казался гигантом, а воздушный шар закрывал половину неба.

Только здесь фонари горели даже днем. Шар заслонял солнце, а языки пламени помогали всем желающим четче рассмотреть статую.

Один из фонарей не работал. Погас ночью.

Серафинит опустил на брусчатку чемодан с инструментами, шикнул на особо любопытного мальчишку и бормоча что-то под нос, принялся собирать раскладную лестницу.

«Погас видите ли! В Оливковом квартале уже с месяц перебои в освещении!»

Серафинит лично проверил все трубы и соединения фонарей на своей улице. Никаких неполадок или закупоренности. И при этом регулярно гаснут по ночам, словно свечи от дуновения ветра.

«И никому дела нет! Никто не разбирается...» – бормотал

Серафинит, приставляя лестницу к столбу. – «А тут в ночь погас и с утра уже вызывают. Ну да! Главная площадь! Как же наш Великий и Ужасный без освещения-то?»

Едва не соскользнув с лестницы Серафинит ухватился за столб. Вцепился пятерней, сведенной судорогой, за холодный металл. Выгнул спину, переводя дыхание, и с испугом посмотрел в изумрудные глаза статуи. Внутренне укорил себя и извинился перед мудрым правителем.

Чуть погодя снял с пояса масляный светильник, поджёг фитиль.

«И без того день пасмурный, так еще и этот шар воздушный бросает мазутную тень».

Дрожащее пламя светильника устремилось к черной пасти фонаря.

Закопченный метал, запорный кран открыт, горелка чистая. На первый взгляд все было в норме.

Серафинит приблизился вплотную, прислонился глазом, заглядывая в узкий, словно крысиный хвост, желоб для подачи газа. Лязгнула оправа очков. Серафинит чертыхнулся.

Знаменитые очки с зелеными стеклами, которые в соответствии с указом Гудвина обязаны были носить все жители и гости Изумрудного Города, запрещалось снимать даже ночью, так что конструкция специально задумывалась так, чтобы в очках можно было и спать.

Оправа их была не жесткой, эластичной. Похожая на резинку, плотно обхватывающую голову. Вот только резинку,

спаянную с металлическими нитями, тонкими, но такими прочными, что разрезать их не удалось бы ни одному ножу.

Замыкалась оправа на металлический замочек на затылке. Ключи от всех очков находились у одного единственно-го человека – ключника Фараманта. Он был самым знаменитым жителем города, но при этом видели его нечасто. Жил в комнате, построенной прямо в городской стене и мало куда отлучался. В его обязанности входило встречать каждого, пришедшего по дороге из желтого кирпича. Ну, или провожать любого, кто покидал городские ворота. Входящим очки надевались, замки защелкивались под личным присмотром Фараманта. Он же разъяснял, что без зеленых стекол глаза не выдержат великолепия и сияния города, чьи стены и мостовые усеяны изумрудами. У тех же, кто уходил из столицы, Фарамант очки изымал и тщательно рассматривал – нет ли каких повреждений и не пытался ли кто-то вскрыть замок. Покидать город в очках было так же строжайше запрещено, как и находится внутри без них.

Серафинит уже много лет не покидал Изумрудного города. С тех пор, как переехал в столицу, он и мысли не допускал о том, чтобы вновь вернуться в родную деревню – к ненавистным грядкам и брюкве. Нет, жизнь была только в Изумрудном городе. Где еще можно выучиться механиком и работать с газовым оборудованием? Разве что в Фиолетовой стране. Там понимали толк в технике и прогрессе. Но война длилась с ними столько лет, что никто из жителей Изумруд-

ной страны даже и не подумал бы об иммиграции.

Да и странные были эти Мигуны. Вон рассказывают, что у них там бордели с собаками и мужики на мужиках женятся.

«Какую технику «такие» создать-то смогут?»

«С правительницей им конечно не повезло. Ведьма злая, про которую то и дело всплывают мерзейшие подробности. Интересно, что там в новости про обезьян-то? Надо вечером почитать газету будет...»

Отверткой Серафинит открутил вентиль, но полностью вынимать его не стал. Принюхался. Газ не шел. Приставил кусочек бумаги к воздухозаборнику – бумага прилипла. Тяга была.

Убрав засаленную бумажку в карман, Серафинит с удвоенным вниманием всмотрелся в желобок подачи газа. Потрогал его пальцем. Палец вляпался во что-то липкое.

То ли смола, то ли мед. Пахнет горелым. Оплавленным.
«Как оно тут оказалось?»

Серафинит почесал затылок отверткой.

«Неужто кто-то закинул наверх яблоко в карамели? Вряд ли оно с неба свалилось... Если это, конечно, не диверсия летучих обезьян!»

Только представив, что над ночным городом могли безнаказанно носиться крылатые твари, Серафинит поежился.

Словно в ответ на его мысли за спиной раздалось:

– Наше оружие самое лучшее! Новые копья усовершенствованной конструкции могут насадить на себя до двух ле-

тучих обезьян за раз!

Кричал все тот же парень-газетчик.

Серафинит раздраженно обернулся, не замечая, как рукавом задевает отвернутый вентиль. А за собственным криком не услышал, как вентиль со звоном брякается на брусчатку.

– Да пошел ты в жопу со своими копьями! – заорал на газетчика Серафинит. – Отойди подальше! Не мешай работать!

Газетчик обиженно зыркнул глазами, но всё же сделал несколько шагов в сторону от памятника.

Удовлетворенный, Серафинит продолжил ковыряться отверткой в фонаре. Пришлось в прямом смысле слова выскрести смолу. Доставая липкие куски, Серафинит обтирал отвертку о край фонаря. Лязгало так, будто кто-то пытался играть на расстроенной скрипке.

Липкой грязи оказалось не так уж и много. Продув желоб Серафинит уже собрался закрутить вентиль, но обнаружил под рукой пустоту. Похлопав себя по бокам и чуть не свалившись от этого, Серафинит поставил светильник на фонарь. Иногда он по забывчивости клал разные детали и инструменты в карманы и теперь рассчитывал обнаружить вентиль там.

Но увидел его на брусчатке прямо под собой.

Выругавшись, Серафинит зло шлепнул ладонью по фонарю. Масляный светильник качнулся и упал внутрь, со звоном разбиваясь на части. Шар огня пыхнул, лизнул лицо горячей лапой. Отмахнувшись от жара и боли, Серафинит даже не

успел испугаться, поняв, что летит вниз на мостовую.

Все произошло в доли секунды. Огненная вспышка, полет и запоздалая боль во всем теле.

Первым желанием было закричать, выплеснуть эту боль грязными словами, проклясть несправедливый мир. Но дыхание замерло. Слова застряли в горле, а Серафинит сам себе напомнил рыбу, выброшенную на берег. Открывал и закрывал рот не в силах издать ни звука.

– О, Гудвин! – вскрикнул кто-то.

– Что произошло?!

Знакомый голос. Торгаш Жадеит. Жадный, как сволочь. Даже плесневелый сыр не выбрасывает, а продает, рассказывая, мол это специальный деликатесный сорт.

– Что же это делается?

Еще один знакомый голос. На этот раз женский. Вроде бы Морганит. Певица из кабака, куда Серафинит позволял себе поход раз в месяц. В музыке он не разбирался, но вот доступность чернобровой кудрявой красавицы всегда манила его, стоило пропустить одну-другую пинту эля.

– Польшнуло-то как!

– Только отвернулся...

– Это потому что ругался много! Гудвин наказал!

Голос паренька-газетчика.

«Ну, погоди, я вот всыплю тебе».

Серафинит хотел сказать это вслух, но у него получился лишь сдавленный стон.

- Да не Гудвин это!
- Диверсия?! Мигуны?
- Обезьяны?
- Скорее всего!
- Да расступитесь вы-таки!

Серафинит, сведенный судорогой, не мог посмотреть на говорящего, но голос явно принадлежал Гошеиту. Лекарю, лечащему срамные болезни. Его знали все, хотя никому и в голову не пришло бы упоминать это имя в простом разговоре. Пару месяцев назад Серафинит заглядывал в его двухэтажный дом на Садовой, чтобы избавиться от подарка, оставленного Морганит.

Гошеит склонился, заслоня морщинистым, с обвислыми щеками, лицом, бронзовый воздушный шар.

– Голова кружится? – спросил он, в задумчивости почесывая бороду. – Говорить можешь?

– Писькин доктор, – прошипел сквозь зубы Серафинит.

Боль постепенно отступала. Кряхтя, он попробовал пошевелиться.

Удалось даже привстать.

Не без помощи. Гошеит вместе с каким-то помощником поддерживали отбитую спину. Болел затылок, болела спина, болела задница. Наконец отпустило дыхание. Серафинит воспользовался этим, не скупясь на стоны вперемешку с руганью.

Спустя пять минут зевакам надоело. Возле Серафини-

та остался только Гошеит, настойчиво просящий: «Пошевели-таки левой рукой. А теперь правой. А теперьними бо-тинок и пошевели пальцами».

– Да что ты о пальцах-то знать можешь? – кричал Серафинит на доктора, но просьбы его исполнял.

Убедившись, что переломов нет, Гошеит долго и внимательно рассматривал белки глаз сквозь двойной слой зеленого стекла и, наконец, кивнув каким-то своим мыслям, с улыбкой сказал:

– Таки жить будешь! Завтра синяки выйдут во всю спину, но ничего серьезного. Считай, легко отделался.

– Легко... Как же... – буркнул Серафинит вместо «спасибо» и кряхтя поднял с брусчатки несчастный газовый вентиль...

В тот же вечер Серафинит возвращался из кабака домой в пресквернейшем настроении. И не потому, что Морганит сегодня пела хуже, чем обычно или не посмотрела в его сторону ни разу, окучивая столик каких-то приезжих. И не потому, что синяки налились уже в середине дня, не услышав обещания Гошеита.

А причина, в общем-то, была в том, что с момента падения боль так и не пропала. Она засела в затылке, колола ту-

пой иглой, то притихая, то принимаясь за дело с рвением горняка, наткнувшегося на жилу зеленого мрамора.

Пока шел рабочий день Серафинит занимал себя проверкой и обслуживанием газового оборудования. После – попробовал приглушить боль кружечкой холодного эля. Но старое доброе средство на сей раз не помогло.

В сердцах Серафинит шлепнул себя пятерней по затылку, словно боль была мухой, которую можно пришлепнуть. Что-то тренькнуло, шлепнуло по виску, и очки слетели с носа. Видимо замок каким-то образом повредился при падении утром, и с тех пор колот затылок острым краем. От удара рукой он сломался окончательно и теперь очки валялись где-то на мостовой.

Жмурясь до боли в глазах, чувствуя, как от испуга мгновенно бросило в пот, как крупная капля холодным червяком скатилась по спине, Серафинит медленно опустился на четвереньки. С остервенением он шарил по мостовой, но под руку не попадалось ничего кроме пыли и мелких камешков.

Все еще ожидая, что вот-вот ослепнет, Серафинит решил приоткрыть один глаз. Сквозь частокол ресниц он увидел мостовую. Обычную грязную дорогу, по которой каждый день возвращался домой.

«Видать вечернее солнце не такое яркое, чтобы ослепнуть».

И все же стараясь не поднимать взгляда и не переводить его на стены, усыпанные драгоценными камнями, Серафи-

нит осмелился приоткрыть и второй глаз.

Очки лежали футлах в шести.

Все еще на карачках Серафинит проворно подскочил к ним. Замок действительно был растянут и погнут. Серафинит повертел в руках хитроумную застежку, размышляя сумеет ли придумать, как смастерить ей какую-то замену. Это было бы лучше, чем идти в Изумрудное министерство и объяснять, что он не сам вскрыл замок из любопытства или из-за взыгравших в нем вандальных начинаний.

А пока нужно было добраться до дома и не попасться на глаза стражникам. Появляться на улице без очков означало приговорить себя к тюрьме.

Непослушными пальцами Серафинит попытался пристроить застежку на затылке, закрепить резинку, завязать её, но тугая оправка вновь щелкнула по виску и очки сорвались во второй раз.

Серафинит взревел от злости. Никто не назвал бы его спокойным человеком, но сейчас к обычному его темпераменту примешивался страх. Серафинит ударил о стену дома. Кулак попал на засевший в стене изумруд и взорвался болью.

Проклиная чертовы камни, летучих обезьян и почему-то волшебницу Стеллу – правительницу болтунов – Серафинит собрался рассказать так неудачно подвернувшемуся изумруду все, что о нем думает, но взглянув на камень, оторопел.

Вместо драгоценного бульжника в неисчислимом количестве карат, из стены торчала прозрачная стекляшка. Да еще

и с трещинной, оставленной ударом.

Не доверяя глазам, Серафинит прикоснулся к стеклу. Под пальцами скрипнула мелкая крошка. Такой же подделкой оказался и соседний камень, и следующий и еще...

Все изумруды превратились в обычное стекло. Стекло, стоящее не больше, чем огрызок яблока.

До боли сжав очки в руке и уже не спеша их надевать Серафинит свернул на Салатовую улицу.

Здесь все было так же.

Сотни стекляшек блестели в лучах заходящего солнца.

Столько раз Серафинит думал о том, чтобы выковырять изумруд из стены. И столько раз в нерешительности отгонял эту мысль. Причин было несколько – во-первых Серафинит не знал ни одного человека, который смог бы выкупить у него драгоценный камень, а во-вторых, за кражу городского имущества полагалось наказание.

«И за это отрубают руки? За стекляшки? За осколки бутылок?»

Словно во сне добрел Серафинит до дома. Даже его комнатка на третьем этаже старенького дома без очков казалась темнее и грязнее. Бросались в глаза все трещины и наспех замазанные швы. Давил кривой потолок. Казалось, сейчас он не выдержит и рассыплется, упадет прямо на голову.

Сердце стучало где-то в районе горла.

Серафинит уже не мог отличить злость от страха, а ненависть от отчаяния.

Надо было что-то делать. Серафинит не мог просто лечь спать и притвориться, будто ничего не случилось.

Дрожащими руками он сорвал с кровати мягкую простыню.

Утро вновь выдалось туманным.

Башмаки гулко стучали по брусчатке, растаскивая жидкую грязь. Прошедший ночью дождь превратил пыль в мутные разводы, мгновенно прилипающие к обуви.

Какой-то бедолага наспех переклеивал вымокшие за ночь листовки.

«Гудвин любит тебя!»

«Великий и Ужасный смотрит за тобой!»

Люди спешили по делам. Лавочники в лавки, женщины на рынок. Такая холодная погода приходила нечасто. Пришлось доставать из закровов и сундуков плащи и кутаться. Даже чистильщики обуви, для которых, казалось бы, выдался “денежный” день были не такими бойкими, то и дело грелись горячим чаем.

– Свежий номер! Изумрудная правда! Предотвращена очередная диверсия Мигунов! – даже продавец газет казался тише.

Серафинит шел сквозь редкую толпу не замечая холода.

Белый плащ, наброшенный на плечи, волочился по земле и казалось, будто это какой-то вычурный модельер так и задумал грязно-коричневый подбор снизу. Под мышкой Серафинит держал стремянку, а в руке чемодан с инструментами. Пара человек узнала его. Кто-то лениво начал пересказывать вчерашний случай.

Под взглядами уныло косившихся стражников Серафинит поставил стремянку рядом со скульптурой.

Никому до него не было дела, пока Серафинит не сорвал с плеч плащ и не натянул его меж двух фонарей. Плащ оказался простыней и стоило ей развернуться, как прохожие, до того не замечавшие ничего дальше собственного носа, ахнули.

На застиранной ткани чернели неровные печатные буквы.

ГУДВИН ВРЕТ!

– Это возмутительно!

– Он засланный?

– Диверсия?

– Провокатор?

– Эй, сколько тебе фиолетовые заплатили?

В несколько мгновений у подножия стремянки собралась небольшая толпа. Многие возмущенно роптали, другие молчали. Но и те и другие с интересом ждали, что будет дальше.

Краем глаза Серафинит рассмотрел, как двое городских

стражников сорвались с места, на бегу хватаясь за рукояти мечей, но вдруг замерли, словно попав под замораживающее заклятье.

Решив, что у него не так много времени и даром тратить его не стоит Серафинит громко, как мог, выпалил:

– Послушайте, люди! Гудвин лжет!

Голос дрожал. Серафинит впервые говорил что-то на глазах такого количества людей. И хотя вечером в кабаке посетителей и то собиралось больше, чем здесь, для него это было непривычно.

– Предатель! – крикнул кто-то из толпы.

Серафинит молча поднес руки к голове и расстегнул наспех подогнанный ночью замок.

Толпа снова ахнула, на этот раз почти синхронно.

– Смотрите! Я снял очки и не ослеп! – победоносно вскричал Серафинит.

Стражники опять бросились в его сторону и снова застыли. На сей раз Серафинит успел увидеть причину. Другой стражник – очевидно рангом повыше – в полном комплекте доспехов жестом приказал остановиться. Как бы невзначай он достал гребень и начал расчесывать густую длинную бороду, не спуская глаз с Серафинита.

Толпа безмолвствовала.

Серафинит внутренне ликовал.

Его слышали. Они поняли. Даже стражники!

– И че? – внезапно донеслось из толпы.

– Как... – Серафинит задохнулся от возмущения. – Я... я... снял очки... Никто не ослепнет от изумрудов! Нам просто врут! Большинство камней на стенах – подделки! Мы не самый богатый город, не самая богатая страна! Никакого редчайшего зеленого мрамора не существует – он просто белый! Как везде! Все это кажется драгоценностями только в очках и нам запрещают их снимать! Нам врут, говоря, что мы ослепнем!

– Может-таки правильно говорят? – растерянно спросил Гошеит.

– Но я-то не ослеп! – раздраженно возразил Серафинит.

– Зато с ума сошел, – уверенно заключила Морганит.

– Ага! Может под «ослепнуть» Великий Гудвин подразумевал умом тронуться! – поддержал её мальчишка-газетчик.

– Молчи, придурок! – заорал Серафинит.

– Да кого мы слушаем?! – возмутился Жадеит. – Он на прошлой неделе у меня в магазине съел кусок вкуснейшего сыра, а платить отказался!

– Да потому что сыр твой плесневый! – Серафинит взмахнул кулаком так, что чуть не грохнулся со стремянки.

– Вечно ты ворчишь! – продолжила Морганит.

– Вечно ему что-то не нравится...

– У него и друзей-то, наверное, нет!

– Да это-то тут причем?! – взорвался Серафинит, да так громко, что все притихли. – Идем, вы сами сможете убедиться! Мы пойдем в Изумрудное министерство, потребуем клю-

чи! Нас больше, чем стражи! Вы откроете замки и сами все увидите!

Толпа переминалась с ноги на ногу, перешептывалась, жужжала, напоминая пчелиный рой.

– Не нравится Изумрудная страна – вали к фиолетовым! – крикнул, наконец, кто-то.

– А слышали? Бастинда-то это самое... Любит сразу с пятью обезьянами...

– Да вы что...

– Нет! Постойте! Послушайте! – Серафинит замахал руками, привлекая внимание, но толпа уже расходилась. – Стой, Морганит!

– Я с предателями не разговариваю, – бросила певица.

– Жадеит, иди сюда. Я заплачу за сыр.

– Мне от провокаторов денег не надо, – торговец, задрав нос, медленно удалялся.

Спустя пять минут у статуи Гудвина остался лишь Серафинит.

Никто не смотрел в его сторону, не обращал внимания. Прохожие обходили стороной, старались не встречаться взглядом с городским сумасшедшим.

Серафинит осел, опершись на стремянку. Рука, по-прежнему сжимающая очки, обессилено повисла плетью.

Вычесывающий бороду офицер ухмыльнулся.

“Я не первый...” – мысль пришла неожиданно, точно нож под ребра.

Стража знает, что делать. Если бы они вмешались у всех на глазах, то дали бы понять, что воспринимают его жалкую простыню, как угрозу.

А так – тихо уведут очередного возмутителя спокойствия. Потом в газете кто-то напишет, что очередной сумасшедший допился до горячки, и о Серафините забудут.

А он меж тем будет искать изумруды в какой-нибудь шахте.

– Пройдемте, гражданин, – услышал Серафинит за спиной.

Рука стражника в латной перчатке крепко ухватила за локоть.

2017 г.

II

Когда школьная программа добралась до Чехова, я уже знал о том, что это автор с огромным количеством рассказов. И не просто рассказов, многие из них считались юмористическими. Как вы понимаете, в школе предпочитали начинать знакомить с Чеховым именно с этих его историй.

Рассказ «Лошадиная фамилия» ещё со времен школы казался мне тупостью. Я искренне не понимал, что такого взрослые находят в нем смешного. Нет, концепция была очевидна. Персонажи пытаются помочь герою вспомнить фамилию, которая у него ассоциируется со словом «лошадиная», а в конце оказывается, что фамилия эта далеко не самым очевидным образом связана с этим словом. Но хоть убейте, было не смешно. Я вежливо улыбался и кивал ухахатывающейся учительнице но, как, наверное, и половина класса, по-прежнему не видел тут ничего забавного.

Так что изначально, когда я собрался написать ремейк этого рассказа, то хотел продемонстрировать насколько вся эта концепция несуразна и глупа.

Но что-то пошло не по плану.

Я всего лишь перенес место действия в наши дни и тут началось. Придумывать автомобильные фамилии, идиотские в своей нелепости, оказалось настолько весело, что я и не заметил, как сам начал смеяться в голос.

Наверное, это тот самый случай, когда «так плохо, что даже хорошо».

АВТОМОБИЛЬНАЯ ФАМИЛИЯ

У отставного генерал-майора Булдеева с самого утра разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком и даже ненавистой текилой, которую как-то перепил на Мальте.

Приезжал доктор. Сказал, без рентгена не знает, но похоже, «нижняя восьмерка давит на соседний зуб, а боль отдает в челюсть». На предложение проехать в клинику Булдеев ответил отказом. Столько лет жил с зубом мудрости, а теперь, видите ли, “что-то он там передалил”.

Как и положено генерал-майору в отставке, жил он в особняке, отгороженном трехметровым забором в сотне километров от Москвы. По телефону пытался вызвать другого врача, но все как на зло зазывали в клиники облучаться радиоактивным рентгеном. Одни согласились приехать на дом – у них была машина, вроде “скорой”, только оборудованная под стоматологический кабинет. Сказали, что смогут помочь, но только завтра, потому как до конца рабочего дня доехать не успеют.

Все домашние – жена, дети, прислуга и даже повариха предлагали каждый свое средство. Не выдержал и начальник охраны Булдеева Иван Евгенич, пришел и посоветовал полечиться заговором.

– Тут лет пять назад один знакомый в «Битве Экстрасенсов» участвовал, – сказал он. – Лечил все болезни. Зубы за-

говаривал только так!

– Где ж он теперь?

– А после того, как шоу закончилось, в Москве не прижился. Теперь в Рязани живет. Только заговорами и кормится. Целитель от бога. Думаю, если ему задаток хороший банковским переводом переслать, то он и сюда примчится. И сайт у него есть. Надо в интернете найти и написать.

– Ерунда! Шарлатанство!

– Давай, Алеша! – взмолилась жена. – Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хоть не веришь, но попробовать же можно?

– Ладно, – согласился Булдеев, кривясь от боли. – Тащи ноутбук. Кого искать-то?

– Экстрасенс... экстра... – замялся начальник охраны. – Может целитель...

– Да фамилия-то его как?

– Фамилия-то... Фамилия... из головы вылетело. Такая... на языке вертится...

– Ну?

– Помнил же... Фамилия... Такая... Автомобильная.

– Автомобильная? – не понял Булдеев.

– Да... Как-то связана... Автовазов... Автоторкин...

– Автомобилев? – не выдержал Булдеев.

– Нет. Как-то... Машинкин может. Моторов наверно?..

Нет, не Моторов...

– Так вбивать-то что мне?

– Так и вбивайте. Рязань. Экстрасенс.

– Тут курсы магии какие-то выдает! Ты фамилию-то вспоминай давай! Ох! Больно-то как!

– Карданновалов... Развалсхождениев... Нет, не помню.

– Ну так и не лезь со своими советами дебильными! Иди отсюда!

Иван Евгенич быстро вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнате туда-обратно мимо висевшего на стене ружья.

– Мать твою! – орал генерал. – Помираю!

Начальник охраны вышел на улицу, прошелся по вымощенной итальянской плиткой дорожке, поднял к небу глаза. Стал вспоминать фамилию целителя:

– Камазов... Камазкин... Нет, не то... Бульдозерский... Грузовозов... Таксистов...

Немного погодя во внутреннем кармане завибрировал телефон.

– Вспомнил? – закричал в трубку генерал.

– Никак нет.

– Может Машинистов?

– Нет, это уже не автомобильная, а поездовая фамилия.

И в доме наперебой стали изобретать фамилии. Перебрали все марки автомобилей, все страны, склоняли так и эдак колеса, двери, кузов, фары...

Телефон начальника охраны то и дело трезвонил:

– Мазераттин? – спрашивал генерал.

– Никак нет, – отвечал Иван Евгенич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух:

– Форд... Форденко... Может Хондов...

– Опель! – кричал из детской внук Петька.

– Пежопель! – рявкал в ответ генерал.

Взбудоражился весь особняк. Замученный генерал пообещал дать пять тысяч тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евгеничем стали ходить целой толпой.

– Лифан? – спрашивали у него. – Маздин? Вольвин?

– Судзукин?

– Ниссанов?

Наступил вечер, а фамилию не вспомнили. Петька даже нашел в интернете список участников битвы экстрасенсов, но среди сотен фамилий не нашел ничего подходящего. Так и легли спать. Генерал не спал, ходил по гостиной. В четвертом часу ночи постучался в каморку к охране.

– Не Меринов, не? – спросил он едва не плача.

– Нет, не Меринов, – виновато ответил Иван Евгенич.

– Да может фамилия и не автомобильная, а еще какая-то!

– Точно автомобильная вам говорю!

– Как же ты замучил!

Утром генерал позвонил в клинику. Машина приехала часа за три. Рентген сделали, в кресло усадили, вкололи анестезию и зуб выдернули. Управались за полчаса. Боль утихла тотчас же. Удовлетворенный, генерал развалился на крыльце, подпалив сигарету. Врачи, забрав деньги, развернули

фургончик, притормозили у ворот.

Иван Евгенич открыл шлагбаум.

– Не подскажите, где заправка ближайшая? – один из докторов высунулся в окно. – А то у нас бензина кот наплакал.

Иван Евгенич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни слова, всплеснул руками, побежал к крыльцу. Да так быстро, словно за ним гналась бешеная собака.

– Вспомнил! – крикнул он генералу радостно. – Бензинов! Фамилия целителя – Бензинов!

– Пофэф ты, – показал кукиш начальнику охраны генерал. Половину щеки он все еще не чувствовал, так что слова выговаривал с трудом. – Мне на хел не нуфна бофыше твоя автомобилфьяная фамифия! Пофэф ты!

2017 г.

III

В старших классах мы проходили Брэдбери.

После нескольких лет изучения каких-то драм, полных описания природы, встретить рассказы настоящего, всамделишного фантаста, было удивительно.

Мало того, что это были фантастические истории, они еще и удивляли тем, что касались будущего, в отличие от всей остальной школьной программы наполненной нафталиновыми переживаниями непонятных людей из девятнадцатого века.

Уже тогда я, если не понял, то точно почувствовал, что фантастика – самый универсальный и гибкий жанр. В ней ты не скован ни рамками времени, ни местом действия, ни – даже при желании – законами физики. При этом с легкостью можно проложить мостик между самым фантастическим миром и нашей с вами реальностью. Объяснить, предостеречь, высказать то, что хочешь.

“Улыбка” – один из самых известных рассказов Рэя Бредбери.

ЯЗЫК

Я не пытаюсь предсказать будущее – я пытаюсь его предотвратить.

© Рэй Брэдбери

Люди начали собираться еще часов в пять, когда за выбеленными снегом полями надрывались далекие петухи. Тогда среди разбитых зданий клочьями висел туман, но теперь, рассвело, и он начал таять. За два часа вдоль дороги выстроилась длиннющая очередь, а люди все подходили и подходили. По двое, по трое подбегали, иногда спрашивали, где конец очереди, и спешили занять место.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в сухом морозном воздухе звук их голосов казался громче.

– Слышь, парень, а ты-то что здесь делаешь в такую рань? – сказал человек за спиной.

Мальчишка испуганно обернулся, снизу вверх посмотрел на бородатого мужчину.

– Это мое место, – пролепетал он. – Я его честно занял.

– Да шел бы ты отсюда, уступил бы очередь тем, кто знает в этом толк, – бородатый сурово сдвинул брови.

Мальчишка, до того притоптывающий на одном месте от холода, замер в растерянности. С одной стороны, он знал,

что слова старших нужно исполнять, но, с другой стороны, он уже не такой уж и ребенок, чтобы его можно было бы вот так прогнать.

– Оставь в покое парня, – вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоявших впереди.

– Да я же пошутил, – бородач положил руку на плечо мальчишки, тот угрюмо её стряхнул. – Просто подумал – рань такая, а ребенок не спит.

– Ничего, я уверен он знает толк в науке, верно говорю? – ответил заступник. Его фамилия была Стерлигов. – Как тебя звать-то, малец?

– Егор, – ответил мальчишка, дую на покрасневшие, покрывшиеся цыпками руки.

– Егорка уж плюнет так плюнет! – расхохотался мужчина. – Прямо в лоб, верно?

– Конечно! – с готовностью подтвердил Егор.

Смех прокатился по веренице людей.

Впереди кто-то продавал кофе. Не тот суррогатный горький настой из полевых трав, который обычно пили люди в деревнях. Нет! В честь праздника привезли настоящий – из зерен. Пахнувший удивительно – одновременно терпко и приятно. Очередь притормаживала, проходя мимо телеги, где стояла пара парней, мешающих половниками кофе в большой кастрюле. Люди начинали семенить, не торопились идти вперед, на разные манеры хвалили запах и вкус напитка, но не покупали его. Мало кто мог позволить себе натураль-

ный кофе.

Стараясь не замечать, как желудок, в котором не было еды со вчерашнего утра, подступает к горлу, Егор устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

– Говорят, он смеется, – сказал мальчик.

– Ага, – подтвердил Стерлигов. – Над нами, колдун проклятый, хихикает. И не просто, а язык показывает.

– Да как же его удалось поймать? – спросила женщина впереди, вклиниваясь в разговор.

– С божьей помощью, конечно, – ответил Стерлигов, указывая пальцем в небо.

– Так его сам Патриарх изловил, – затараторил бородач, тот, что вначале чуть не прогнал Егора. – И святым знаменем навеки запечатал колдуна в его тюрьму.

– Но как же он там поместился? – спросил Егор.

– Надеюсь, мы этого никогда не узнаем, – ответил Стерлигов с усмешкой.

– Я слышала, что он теперь заперт в картине, – подхватила женщина.

– И не картина эта вовсе, – запротестовал бородач. – Я точно видел, никто никогда так не нарисует! Это живой человек, я вам говорю. Или то, что от него осталось. Какая-то тень. Только черный и серый – никаких других цветов. Его заморозили, засунули в... э-э-э ну как бы сказать... В плоскость, во! И он смотрит на нас сквозь маленькое окошко в

мир. И все равно, тварь такая, улыбается!

– Смеется! – поправил Стерлигов.

– Скалится! – выкрикнул кто-то из впередистоящих.

– Язык показывает! – возмутилась женщина, которую

Егор не мог разглядеть из-за спин людей.

– А он не выберется? – испуганно спросил мальчик.

Ответом ему был дружный хохот очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.